

ПУТЬ АННЫ

Вячеслав Васильевич Нескоромных родился в 1958 году на Алтае. Профессор Сибирского федерального университета, доктор технических наук, заведующий кафедрой технологии и техники геологоразведки. Член РАЕН. Автор ряда учебников, монографий, изобретений, художественных и публицистических работ. Публиковался в журналах «Роман-газета», «Аврора», «Балтика», «День и Ночь», «Енисей», «Бийский вестник» и др. Лауреат Международного литературного конкурса «Русский Гофман», Всероссийского литературного конкурса «Голос Севера», литературной премии и.м. С.Т. Аксакова и др. Член Российского Союза писателей. Живёт в Красноярске.

*80-летию Победы и людям,
её выстрадавшим, посвящается*

Анна не считала себя верующей. Мама её, якутка по национальности, не была православной. В трудные минуты ходила мама к шаману, что жил в чуме у реки на краю села, несла дары и просила силы, здоровья и благополучия для семьи.

Отец, суровый русский мужчина, в прошлом кадровый военный, любил дочь, но сам не был набожным.

Перед войной отца забрали нагрянувшие среди ночи сотрудники НКВД, а мама и брат погибли в долгой дороге на остров Тиит-Арыы в дельте реки Лены у моря Лаптевых. Дорога эта в пешей колонне от деревни Чурапчи к Лене и далее по реке на барже-брандвахте заняла долгие недели в августе и сентябре, когда уже изрядно подмораживало ночами, а холодный дневной дождь сменялся снегом. Скорбь

ный путь по реке отмечался чуть ли не ежедневно — ставшими будничными похоронами тех, кто не вынес тяжести этого последнего для них в жизни пути. Так погибли мама и маленький брат Анны; самых родных людей схоронила юная девушка на погосте у Жиганска.

Всю семью Анны, как сотни других, в голодный 1942 год отправили на новое место выживания — на пустынный заполярный остров для заготовки северной рыбы. Анне после нескольких месяцев на острове, среди гибнущих каждый день от холода и голода людей, неожиданно, чудом, удалось вырваться и оказаться на берегу Байкала в посёлке со смешным и странным названием Большие Коты.

— Да нет же! Кóты! — поправляли строго местные приезжих, а сами между собой себя называли, посмеиваясь, котятами.

В Большие Кóты Анна и сопровождающий её Михаил из деревни Тальцы на Ангаре решили ехать скрытно, на лошадях, таёжной тропой. Собрали два мешка с провизией, одеждой для зимы — старенький полушубок, валенки, пара тёплых платков. Всё добро навьючили на лошадку, приторочили ружьишко с припасами и тронулись в путь спозаранок. Для малыша Саши, рождённого уже после ада Тит-Арыы, приспособили старую люльку, — приторочили надёжно сбоку к вьючному седлу. Отправились в путь, вышагивая

у головы, казалось, подрёмывающей на ходу лошадки, ведя умное животное в поводе. Копыта глухо топали по тропе, порой цокали подковой о подвернувшийся в земле камень.

Рождение ребёнка казалось теперь сродни чуду спасения из ада острова и случилось вскоре после того, как Анну вывезли в Якутск, где она и родила мальчика. Любовь пришла неожиданно, но оказалась спасительной. Отец малыша, латыш Янис, из ссыльных, остался на острове, и Анна не знала ничего о его судьбе, только надеялась, что всё обойдётся, когда-нибудь они встретятся вновь.

Дорога заняла весь день. Через лес поначалу тянулась лесная дорога в две колени с проросшей травой посередине, раскрывшись и готовыми улететь во все края одуванчиками, а ближе к перевалу истончилась до тропы. К Байкалу тропа вилась вверх, вела по гребню и склону уже в сторону озера. Сразу несколько посвежело, ушёл жар, хотя солнце ещё палило, и мысли пошли чередом в голове уже не о том, что осталось за плечами, а о том, как приедут, устроятся, что ждёт их на берегу озера-спасителя, озера-великана — Великого Сибирского моря.

Останавливались пару раз, чтобы покормить и попить ребёнка, а на полпути устроили привал, сварили чай, тут же надёргав у дороги смородинового листа и сдобрив заварку, чуток

отдохнули под ярким, расщеплённым таёжными кронами солнцем и уже в сумерках добрались до деревни.

Дом на берегу Байкала уютно прислонился к косогору у самой тайги, и тропа сразу из леса привела к выбеленному дождями, местами покрытому курчавым изумрудным мхом забору, заросшей тропке через двор.

Сосновый лес с редкими берёзками нависал над домом, убегая вверх по склону. Двор у дома был частью тайги. Здесь у стен бревенчатого сруба с кровлей из умело уложенного горбыля также теснились несколько высоченных сосен, шумела у забора раскидистая, с гроздьями ягод, рябина, и несколько молодых ёлок разбрелись по двору, словно девки в хороводе с раскинутыми во вращении юбками.

Заросшая тропка через двор вилась между деревьев к крылечку и грубо скроенной из досок двери под навесом. Тут же рядом с домом была пристроена банька, и раскинулся небольших размеров огород под картошкой. Удивительно, что при впечатлении о некотором запустении двора и хозяйства кусты картофеля росли буйно, тянулись в рост, а белые и фиолетовые цветки на ботве указывали на хороший урожай. От дома к берегу сбегала круто тропка, набитая за много лет ногами ходяков, тальми водами и дождями. На берегу, на воде, из досок был устроен причал на деревянных опорах, а

к пристани подвязаны смолёные лодки, что колыхались на пологой волне и, казалось, пританцовывали в нетерпении, просясь при виде людей отправиться в путь, словно молодые скакуны, застоявшиеся в конюшне.

Вода, чистая до озноба, не таила глубины, и можно было видеть столбы опор настила причала, резко сломанные гладью озера, уходящие в глубину до дна. Вокруг опор, заросших изумрудным подводным мхом, табунились густые, сияющие серебром стайки рыб, ведомые синхронно неким коллективным разумом. Рыбки — молодая поросль большого озера — изучали мелководье на фоне россыпи окатышей, чистых и ярких. Солнечные блики на воде на закате были не остры, не слепили, а скользили, угасая от берега вдаль, где и терялись, истончившись.

Оглядев открывшийся простор озера, окинув далёкие очертания, теряющиеся в дымке горного хребта на противоположном берегу, уловив мощь зашумевшей от нагрянувшего перед самым закатом порыва ветра тайги, Анна впервые за многие дни и месяцы почувствовала себя защищённой и уверенной в завтрашнем дне.

Так вот и вышло, что Анна росла, не приобщившись к вере. Жила некрещёной. Но здесь, в Кóтах, она однажды увидела, как Клавдия Степановна, соседка, в своей избе молится на

образа. Делала это женщина-солдатка не менее двух раз в день и приговаривала:

— Молюсь за него, моего Данилу Серафимовича, пусть прикроет его Господь своей заботой.

Вспомнила Анна, как познакомилась со Степановной.

На следующий день после приезда, уже к вечеру, как уехал Михаил, в дом постучали, и вошла женщина в годах, одетая по-деревенски практично, в выцветшем платке, в платье широкого кроя, в сапогах, подвязанная на поясице пуховым растянутым, едва живым платком. Вошла, глянула и кивнула в сторону образов, перекрестилась.

— Здравия тебе, соседка. Как тут разместились-то?

— Всё хорошо, — ответила на приветствие Анна, немного смутившись под пристальным взглядом местной.

— Я Клавдия Степановна, живу от тебя через дорогу, недалеко. Сказал Миха, чтоб тебя караулила, по-пионерски шефство взяла, — хохотнула гостя. — Давай, обращайся, чего пособить-то?

Клавдия Степановна присела на лавку, огляделась, отметила с удивлением, что чисто вокруг в избе стало, и вещи собрались по местам, и как бы посветлело в доме под низким потолком. Одобрительно покивала, пожевала губами и, глянув на малыша, улыбнулась ему, кивнула, чуток ещё посидела и ушла. А как

ушла, на лавке остался туесок из берёсты, полный земляники, а рядом мятая старая алюминиевая кружка, полная зелёного, прозрачного, мохнатого, как гусеница, крыжовника.

Анна присела на лавку и смотрела на так незаметно оставленный дар, — из глаз потекли слёзы. Они текли по щекам и капали, капали в кружку с крыжовником, на землянику, и как бы в ответ от ягоды пошёл дух — живительный аромат свежести, леса, солнечной поляны и доброго к ней отношения.

— А ничё, — вдруг начала неожиданно для себя подражать говору местных Анна, — счас помоем крыжовник-то, разомнём с земляникой вперемешку, и такая будет вкуснотень, улетать станем, за уши не оттащишь от тарелки-то. — И уже сквозь слёзы улыбнулась, шмыгнула по-детски носом, рассмеялась тихонечко, словно боялась, что доброе участие улетучится, как, бывает, пропадает бесследно облачко над Байкалом.

Так Анна стала сельчанкой, рыбачкой, и потекло времечко на берегу великого озера. Хлопот было не занимать, но малыш рос здоровым, словно, вздохнув воздуху, вольного и шумливого, озёрного, добирал сил с избытком, а в делах окрепла и Анна.

Байкал — он строг, порядок любит, встречает и холодной волной, и ветром с нажимом, но и одаряет пищей, и бодрит тело, хорошо разгоняет тоску. Омуть —

рыба редкостная, а ещё и хариус забредает в снасти, голомянка — уникальная байкальская рыбёшка — попадаетея целительной добавкой к столу. А тут и банька старается, стелет по склону к воде сизым дымком, набирает духовитого тепла, чтобы согреть и укрепить уставших поморцев. А помыться байкальской водой да венчиком пройти по усталым ногам и спине, от трудов негнущейся, — такой целительный спас, что наутро снова бодр и готов сызнова тягать поклажу и дело ладить.

Каждый вечер снаряжала лодку сетями Анна и отправлялась ставить снасть — и так наловчилась, что справлялась сама. К утру, ещё до восхода, снова уходила в море, обложив подушками спящего сынишку на время рыбалки. Вернувшись к установленной с вечера сетке, сразу видела, есть ли улов: коли сетка тонула и порой даже билась от рыбьей массы — знатная добыча, а если на плаву в такт волне колышутся поплавки — пустой выходил замёт. Так или по-другому, но совсем пустыми сети никогда не бывали: голодать Байкал не оставлял тех, кто в трудах жил с уважением к озеру.

Анна всегда торопилась к спящему в доме Саше и, поспешая, вынимала улов в большие короба; вернувшись, проведав сына, опускала рыбу в ледник до приезда Михаила. Тот приезжал, рыбу забирал, а Анне мо-

лочко, хлеб печёный домашний, шмат сала заносил и удивлялся, как преобразился дом с появлением хозяйки, и как-то так ловко у неё выходит справиться с делами, которые он сам вершил с трудом и творил беспорядок, так ни разу и не собравшись навести чистоту в доме.

Клавдия Степановна, наведавшись к молодой хозяйке, оглядела похорошевшую изнутри избу и, кивая, по-доброму скаламбурила:

— Так вот жили-выживали, добра не наживали, если могли — делились, на паперть не просились. Хорошо у тебя стало, с душою ты живёшь, Аннушка.

Отметив, что Анна равнодушна к обрядам и молитвам, Степановна завела разговор как бы невзначай и велела о Боге не забывать, а мальчика Сашку, рождённого сразу после Тиит-Арыы, окрестить.

— Крестить надобно Сашу. У мальчонки судьба непростая с первых дней. Натерпелся, но уберёт его Господь. А значит, иди ему навстречу, Анюта. Сама сделай шаг и войди в Его пределы внимания и заботы.

Когда вразумлённая соседкой Анна присматривалась к иконкам, казалось ей, что лики святых из глубины далёких эпох смотрят на неё с укором, но и с некоторой надеждой.

Анна согласилась, и как только случилась оказия — катер из Листвянки, отправилась со своей покровительницей в посёлок

у истока Ангары, где рядом в деревне Никола возникла новая церковь и объявился священник. Сказывали, что это вернувшийся с войны после тяжёлого ранения местный мужик Игнатий своей верой воскресил приход.

До войны Игнатий был обыкновенным деревенским мужиком, — как все, рыбачил на реке сызмальства, по субботам ходил в баню, парился до одури, кидался с берега в реку раскалённым телом. Любил выпить в компании, позубоскалить с мужиками, на гармони наигрывал на разрыв души. Рыдала в руках Игнатия гармонь и выдавала яркие то густые тона, то тонкие до звона звуки, словно он цветы полевые охапкой разбрасывал; выжимала слезу гармошка, молила о милосердии, бередила душу.

Как война грянула, забрали в первые же дни Игната.

Напоследок, уходя уже за деревню, заиграл Игнат, запела, как в последний раз, гармошка. Сельчане стояли со слезами на глазах, просветлённые, и улетала великая тоска с мелодией ввысь, как душа неприкаянная. И просила эта душа о милосердии, умоляла не забывать и верить в благополучный исход. А перед посадкой в грузовик, когда уже наплакались все, Игнат затянул «Прощание славянки», и стало на душе торжественно, волнуяще тревожно, но сразу как-то просторно и ясно.

Увезли мужиков, а вскоре пошли весточки с полей военной

жатвы, засеянных телами воинов так обильно, что зарево яростной энергии душ павших солдат долго не угасало над полем брани, словно немеркнувшее закатное зарево, на фоне которого парили вороны, добывая плоть.

Что тут скажешь, не одну бабу в деревне пришили к лавке похоронки с фронта. Падали иные и наземь, пришибленные, стонали да катались в слезах. Другие, те, что построже, держались на людях, а ночью мочили подушки потоками горьких слёз. Многие думали тогда о том, что вот был рядом мужик, — и непутёвый, казалось, а то вредный и злой, ну просто злыдень, — но... как не стало его, небо вдруг серым показалось, ночи стали дли-и-и-нными, пустыми и мучительными, такими, когда думы забирают последние силы, а поутру и рук не поднять. А от мысли, что не сама схоронила, ещё горше было: нет места, куда пойти и поплакаться на жизнь, поговорить о доле своей. И как будто в этом подвох есть: не видела в гробу знакомого лица, и могилки его нет, а оттого не верилось до конца в кончину мужнину, а порой уже и думалось: «А был ли он?»

Но, как стукнет калитка во дворе или громко, по-хозяйски, громыхнёт кто-то сапогами на крыльце, сердце-то обмирает: «Вернулся никак!»

Но то ли калитку качнуло ветром, то ли вдруг в дверь неуклюже вошёл сосед — или сосед-

ка — попросить соли или просто незатейливого внимания, — сердце заходится, трепещет.

На Игната так же, как на других сельчан, пришла похоронка. Баба его поголосила, как положено, да и забила в свой угол. А он, глядь, идёт через полгода после похоронки по улице со стороны города, и только вот вместо левой руки у мужика пустой рукав гимнастёрки за пояс заткнут, а лицо помято и перекошено шрамом — сразу и не узнать Игната. Но в остальном мужик живой, и баба его уж на другой день после приезда сразу преобразилась: налилась румянцем, глаза заблестели, коса вдруг откуда-то появилась вокруг головы да с лентою яркою.

— Да, — сказывали сельчане, — воскресил бабу Игнат живительным каким снадобьем, — да посмеивались, когда видели счастливую жёнку фронтовика, бодро вышагивающую по улице.

— Тока вот не сыграет больше нам на праздник затейник-то наш, — говаривали иной раз, сокрушаясь, вспоминая спевки и пляски под Игнатову гармонь.

А потом и чудо случилось, как подтверждение неведомых целебных свойств. Зашептались бабы при встрече: жена Игната, которая не могла после страшной простуды в девичестве забременеть, вдруг округлилась в талии, сменила осанку — стала ходить гордая и, как положено по сроку, родила, да не одного ребятёнка, а двойню.

— Чё делается-то, — дивились бабы, посмеиваясь, и тут же грустили, вспоминая тех, кто ушёл на фронт, и особо тех, кто уже не вернётся.

Игнат тоже подивился, повеселел да взялся шутить:

— Теперича у меня вместо одной руки четыре новеньких образовалось. Научу мальцов и на гармошке, и на балалайке играть, будет у нас ансамбль семейный. А я сам стану дирижёром семейного трио, а то на ложках смогу стучать да сапожком подтопывать.

Игнат, конечно, изменился за тот неполный год под ружьём да по госпиталям. Прошлась по нему лемехом стальным война, перевернула пласты души, перекроила суть человеческую. Вероятно, это отметили и небеса. Порой судачили об этом сельчане и говаривали, что не только беды валяются на головы, но и чудо случается, если с горестями перебор образовался.

После страшного ранения, пережив долгий путь через полевые лазареты и госпиталь с их неустроенностью, кровью и болью, вернулся Игнат с верой в душе, полагая, что именно она вытянула его с того света. И взялся мужик каждую свободную минуту рубить часовню. Тягал брёвна из соснового бора, благо под боком стеной тайга. Правил сруб, конструировал купол, — и всё одной рукой. Намучился мужик, но не отступал: война научила оборону держать.

Скоро к нему подключились и другие деревенские, — молодые да седые, увлечённые фронтовиком, — и подняли они часовню на горке, и так удачно она встала, что и с дороги, и с реки, и с Байкала виделся купол, вознесённый к небесам руками и душами прихожан Николы.

Как только часовня встала у села под крестом православным, отправился Игнат в город, поклонился патриарху, и тот, выслушав его, отправил монахов и иерея Власа освятить и справить первое богослужение в Николе.

Вот к нему и решили попасть на обряд крещения Анна с сыночком Сашей, тайно надеясь защитить, спасти и Яниса — отца мальчика, что остался на Тиит-Арыы в тот день, когда ей, тяжёлой на сносях, было предложено покинуть гибельное место.

Обряд прошёл на берегу Ангары, где установили купель — бочку для засолки омулей. Омытый холодной и чистейшей водой Байкала сынок Саша покинул Николу с крестиком и заплаканным личиком, на руках счастливой Анны. Показалось ей, что словно незримую, но крепкую защиту обрёл сын, и верилось теперь, что всё будет по-доброму, всё сложится у него благостно.

Теперь, после обряда, Анна и сама задумала креститься, но спешить не стала и уже только к поздней осени, шурша багряными листьями на тропе к церкви, прибыла к Николе и также получила из рук Власа заветный

крестик после волнующего омовения в стыллой, с ледком уже, воде Байкала.

Осталось теперь, приобщившись к божественной защите, только ждать и надеяться, что уймётся война, гадина, прибывая победной поступью героев, и отец её сына вернётся к ним, преодолев ад Тиит-Арыы и долгий путь домой.

Тут же, не теряя возможности, Анна шагнула под своды часовни и перед Божьим ликом и образами святых взялась молиться. Неумело пока, но истово, — прошибло слёзно, когда обратилась к образу Яниса, благодаря кому обрела и любовь, и сына, и спасение из ада холода, голода и безнадёги Тиит-Арыы.

Так в трудах, походах в тайгу за лесными дарами дождались и окончания войны, а справив победу скромным застольем с соседями, с солёными огурцами и самогонкой, стали жить надеждой, что жизнь наладится довоенная вновь, вернуться те, кто ушёл на фронт или затерялся в хаосе жестокого лихолетья. И была эта надежда сродни утренней заре, — с ней просыпались и ждали уже следующей доброй вести. Главное же случилось — большая беда миновала, и задышалось с Великой Победой не в пример легче всем: не было каждодневных сводок с фронтов, и не так пугались женщины при виде почтальона с горестными вестями.

Летним погожим деньком из-за мыса со стороны Листвянки показался катер при алом флаге, с броским красным полотнищем «Победа!» на рубке и с духовым оркестром на борту. На палубе былолюдно и шумно, играла гармошка, и было нарядно от лёгких светлых женских платьев и смеющихся молодых лиц. Тут же в окружении дам присутствовали и кавалеры в армейской форме, в начищенных до сияния сапогах, с яркими от солнца бликами медалей на груди. И так всё выходило необычайно красиво: на фоне ровного голубого Байкала и теряющегося в дымке, с заснеженными вершинами горного отрога Хамар-Дабана, на фоне невероятного голубого бескрайнего неба катер с весёлыми победителями самой страшной по бедствиям и жертвам войны.

Было удивительно видеть, как преобразились люди, получив весть о победе. Разгладились лица, горестные складки расправились, открылись взоры, засияли светом глаза, и все сразу несколько помолодели.

Так прибыли в Большие Коты два героя войны: Захар Саньч Зотов и Егорка Урываев. Оба ушли с первыми звуками «Прощания славянки» на вокзале Иркутска и вот возвратились здоровые, худые, звонкие, как мальчишки с длинными шеями, коротко стриженные, но лохматые, со взглядами потаёнными, словно из засады, упрятыми в глубину сути мужицкой, воин-

ской, с лицами переживших и познавших ратный труд, смерть каждодневную и беду безмерную. Степенные и мало говорливые даже в подпитии Захар и Егор спрыгнули с катера на прибрежную гальку под бравяду нещадно коверкающего мелодию, но старательного духового оркестра, под фальшивую ноту си-бемоль.

Знакомый округлый звук тронутых при приземлении окатышей под ногами, бодрость плотного, невероятно сытного воздуха от воды, круть тайги, убегающей от Байкала вверх по склону, вернули фронтовиков в родные места. Оглядев всё пристально, оценив, всё ли на своих местах, почувствовали воины восторг, и совсем молодой ещё Захар, воздев к небу руки, закричал что было мощи:

— Я вернулся! Встречай, Байкал! Жди меня, тайга! — и три медали ордена Славы звякнули на груди, на свежей, с планками о ранении, гимнастёрке, как бы в подтверждение сказанному и в ответ на восторженный крик.

На берегу на дороге, что вела вдоль склона к пристани, и на самом причале стоял народ, и во все глаза смотрели сельчане-котята на катер с прибывшими с фронта земляками.

Военком из Листвянки отметил такое событие — прибытие земляков — торжественным приёмом, а оглядев героев, приказал доставить в прибрежные посёлки воинов с оркестром, под звуки

марша. К этому многое обязывало: был среди прибывших победителей местный герой — полный кавалер ордена Славы Захар Зотов.

Вышло хорошо.

Собрался небольшой ансамбль, оркестр набрали по-быстрому из тех, кто мог определить сходу, где тромбон, а где труба, и отправились в путь. А вышло и правда здорово, и погода подсобила: мало кто внимание обращал и ныл по поводу фальшивого бравурного марша, все смотрели на героев — добытчиков-творцов и свидетелей Победы.

А они были хороши.

Среди встречающих слышалось:

— Смотри, Захар-то возмужал! Помнишь, уходил дрыщ дрыщом. Напился на проводниках, как на поминках, и, сказывают, только в Листвянке и очутился.

— Да, говорили, что отмачивали мальчика в Байкале перед тем, как военному и прибывшим за пополнением военным хотели показать кадровый сибирский резерв Красной Армии.

— Даром что дрыщ да болтун был, а глянь на него теперь! Человечищем каким стал! Три Славы сияют на груди, это ж как три Георгия при царе.

— Да, такие побрякушки за «подвиги» в тылу не дают. Сказывал отец Захара, что после боёв под Москвой перевели парня в снайпера, — бил по танкам

через щели в броне так точно, что никто понять не мог, отчего это танк на месте кружится-вертится, а то и в овраг норовит свалиться. Такое случалось, когда Захарка машиниста немецкого через смотровую щель, как белку в глаз, валил.

— Во как! Тут-то всё куражился, шастал по девкам, потешался да бражничал, а на войну попал, так и человеком стал! Чудны дела твои, Господи!

Тут же собрался митинг, и военком — грузный майор Заволокин, сам фронтовик, ветеран ещё боёв на Халхин-Голе — в корабельный рупор прокричал, срывая голос, короткую свою речь о Победе, о великом Сталине, для чего-то помянул и дедушку Калинина и поклонился низко землякам — тем, кто вернулся, и тем, кого не дождалось дома. Совсем расчувствовавшись, пустив слезу, майор Заволокин заговорил о героях-сибиряках, о тех, кто приближал Победу и чьи души, даже незримо, на разрыве, помогали её добывать до самого конца, оставшись навечно там, на поле брани.

Речь свою военком не довёл до красивого призыва, гладкого окончания. Начал было издавка, сбился вдруг, прихватило горло, смахнул с лица слезу, тяжело вздохнул, давая понять: дело сделано, и что тут долго говорить, давайте праздновать и жить по добру. Осмотрев ещё раз берег со своими земляками, словно стараясь подробно

запомнить тех, кто пришёл на краткий митинг, майор махнул рукой — дал команду вступать оркестру и отчаливать.

В ответ взялись кричать с берега, вторя военкому, и под сиплый гудок катер отвалил и ушёл дальше вдоль побережья, в сторону села Голоустного, под звуки марша. И уже скрылся, стал невидим за скалистым мысом катер, а звуки трубы и неистовый, попадающий в такт через раз барабан ещё долго слышались и долетали по воде до Больших Кётов.

Прибывших тут же нарасхват привечали и повели по дворам, где наливали, угощали, тискали, торопясь и перебивая друг друга, рассказывали о событиях на побережье, случившихся за годы войны, за годы их, героев, отсутствия. Захарка и Егор Урываев — байкальский гуран — гулеванили неделю. Устав от выпитого и сказанного-пересказанного во всех дворах посёлка, взялись за дела насущные. Захар стал готовиться к охоте, собирал снаряжение, чинил капканы да силки, а между делом ходил сети ставить, где и присмотрел Анну.

В один из вечеров, прихорошившись, Захар заявился к причалу умытый и бритый, в лёгком аромате выпитого накануне самогона, в чистой рубашке, и стал дожидаться Анну, явно имея некоторый свой личный замысел. Анна появилась у причала и второпях взялась готовиться отплывать, ставить сеть на омуля

— время поджимало из-за Саши, которого следовало бы спроводить к Степановне, а она решила взять его с собой, так уж просился мальчик. Идут к Байкалу, к пристани уже подошли, а тут, глядь, наперерез ухажёр с букетиком полевых цветов, собранных тут же, на косогоре.

— Анют, а Анют, — начал свою явно заготовленную речь Захар, — живёшь ты одна, вижу, как тебе непросто.

— И чё тебе с того-то? Живём, не побираемся, — не стала любезничать с мужиком Анна.

— Дак давай будем вместе судьбу мыкать, Анюта, — не стал тянуть и Захар. — Я мужик заслуженный, в охоте шибко удачливый, будешь, как сыр в масленицу, скользить и кататься без усталости, сладко будет.

И всё бы ничего, но в пылу беседы на тему, требующую иной обстановки и настроения, полез фронтовик обниматься и лобызаться явно преждевременно. Анна, прижатая на узком причале, не готовая решать свою судьбу так вот второпях на зыбкой пристани, не нашла ничего лучше, как пихнуть объявившегося некстати ухажёра, и тот остушился и свалился с пристани в воду.

Чем бы дело кончилось, не ясно, но мимо проходили два местных мужика. Отметив с удивлением столь неравный бой знатного фронтовика и молодой рыбачки, подошли и, пристыдив Захара, извлекли его, мокрого, на бережок. Оглядев и ощупав

героя войны, убедившись, что жив кавалер орденов Славы, напутствовали с усмешкой, что, видимо, не все крепости берутся наскоком, ведь некоторые и осадой не одолеть.

В один из дней на побережье в деревне Большие Кобыты появился мужчина. В глухом селении на несколько дворов новый человек, как в степи наездник, виден издали и сразу. Местные отметили пришельца, а Клавдия Степановна не преминула выйти и приглядеться, нет ли тут подвоха и к кому прибыл мил человек.

Был мужчина ещё молод, но заметно выглядел усталым от жизни. Выдавали взгляд насторожённый да сутулость худого тела. В руках человек нёс небольшой, из крашеной фанеры сколоченный чемоданчик, — такие лепили на зоне сидельцы, и по ним, этим неказистым «саквояжам», пришлый сразу определялся как человек из мест отдалённых, крепко охраняемых псами да вертухаями.

Мужчина был высок и худ, почти белые волосы и лицо выдавали некоторую иноземность, не похож он был на местных кражистых бородатых русаков-сибиряков или крепких гуранов с гладкими лицами, с азиатской раскосостью да скуластостью.

— Это ты чей такой? — взялась расспрашивать мужчину Степановна, а тот глянул и улыбнулся ей, как старой знакомой:

— Так Янис я, к Анне и сыну вот добрался.

Степановна закивала, подтверждая, что ведома её незамысловатая, но непростая история их с Анной любви. Мужчина, получив дозволение, отвязал лодку, ловко перескочил за борт и оттолкнул судёнку от причала. Лодка легко заскользила по столу озера, а Янис взялся умело грести.

На Байкале на закате солнца стоял штиль, что бывает редко. Гладь озёрную едва-едва рябили всплывающие с глубин рыбы. Лунный свет стелился по озёрной глади, и вода упруго бугрилась, раздавался всплеск, когда, играя, рыба атаковала только ей видимую живность на лунной дорожке.

По озеру расплзался туман. Словно дым от костра, влажный туман растекался по воде, и могло показаться, что рыбам это было удивительно, они желали видеть редкостное явление и ещё активнее кидались из воды, дугой выгибаясь в полёте. Лунный свет через пелену тумана дурманил их сознание, и мечтали рыбы о чём-то своём, как мечтать может очень увлечённый целью человек.

Янис грёб умело, и лодка скользила по глади озера, рассекая завесу тумана, практически бесшумно. Казалось, что каждый новый гребок делает его всё ближе к заветной цели и мечте, но так не хотелось разо-

чароваться, и от этого возникало волнение.

Наконец белёная пелена иссякла. Туман откочевал ближе к берегу и там, столкнувшись с сушей, стал надвигаться на прибрежные камни и скалы, обнимая их белой пеленой, выискивал заливы, изгибы береговой линии и напознал на склон, покрытый тайгой, уходящий вверх. Туман скользил вверх по склону между стволов сосен, завоёвывая всё новые и новые пространства лесного массива, и, казалось, тоже кого-то разыскивал.

Впереди появился силуэт лодки, подсвеченный луной. По воде слышались дальние всплески, и стало видно, что в лодке кто-то есть. Янис погрёб энергичнее и скоро уже был рядом. Тонкий слой тумана над водой снова нагнало ветерком, теперь лодки плыли навстречу, утопая в густой пелене, и были видны только те, кто сидел в них.

Янис мог теперь видеть в лодке молодую женщину, укутанную платком, в телогрейке, юбке до колен и в сапогах, и босого мальчика в стёганой курточке и кепке; тот увлечённо укладывал в короб серебристых омулей, которых вынимала из сети женщина и

подавала сыну, крутил головой, выглядывая выпрыгивающих из воды рыб. Каждую рыбку, укладывая в короб, малыш рассматривал одно мгновение и с удовольствием пристраивал на место. Женщина обратила внимание на подплывающую лодку и глянула на Яниса. В лице её не было испуга, только внимание и любопытство, которое сменилось улыбкой. Женщина замерла и смотрела на Яниса, не смея что-то сказать. Лицо Анны осветила луна, и казалось теперь, что оно так же отражает свет, как планета над ними.

Со стороны можно было видеть, как стелется по воде слоёв туман. Над туманом были видны только фигуры людей, они тянулись друг к другу. С одной стороны — красивая, сильная, возмужавшая в лишениях женщина и её сын лет четырёх, а с другой — высокий, сильный мужчина. По всему — по взглядам, выражениям лиц, позам и порывам — было понятно, что эти люди долго стремились друг к другу, много преодолели, и, наконец, должна состояться встреча, а значит, испытание близится к концу и есть надежда на новый и светлый путь в будущее.